ЦЕНТРПОЛИГРАФ

0703

HARLEQUIN®

Шэрон Кендрик

КРАСАВИЦА С ХАРАКТЕРОМ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Шэрон Кендрик

Красавица с характером

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кендрик Ш.

Красавица с характером / Ш. Кендрик — «Центрполиграф», 2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07428-7

Преуспевающий бизнесмен Коннел Девлин ради осуществления давней мечты – обладать прекрасным домом в центре Лондона – соглашается на необычное условие продавца привлекательной недвижимости и своего старого приятеля: наставить на путь истинный его упрямую, взбалмошную дочь. Он готов жестко обойтись с богатой бездельницей, но перед ним оказалась девушка избалованная и волнующе-красивая, за которую он внезапно почувствовал себя в ответе. Однако характер у нее, как вскоре выяснилось, оказался твердый, под стать его собственному.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07428-7

© Кендрик Ш., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Шэрон Кендрик
Красавица с характером
Роман

Sharon Kendrick
The Billionaire’s Defiant Acquisition
The Billionaire’s Defiant Acquisition © 2016 by Sharon Kendrick
«Красавица с характером» © «Центрполиграф», 2017
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Спящая женщина показалась Коннелу скорее загадочной, чем привлекательной. Ее красота выглядела несколько поблекшей. Он мог сравнить ее с розой, свежей и прекрасной, в петлице мужского фрака накануне бурного ночного застолья, но печально поникшей к концу вечеринки.

Женщина крепко спала, раскинувшись на белом кожаном диване. Под мешковатой футболкой слегка обозначались грудь и бедра, но стройные, длинные, загорелые ноги были открыты. Поблескивая на весеннем солнце, рядом валялся хрустальный бокал для шампанского. Из приоткрытой двери с балкона веяло свежестью, однако в комнате еще не выветрился запах сигаретного дыма и ароматизированных свечей. Коннел недовольно поморщился, отметив очевидные следы светской вечеринки на великолепном теле Эмбер Картер: ее голова покоилась на сгибе руки, а роскошные черные волосы рассыпались по плечам.

Если бы Коннел имел дело с мужчиной, он бесцеремонно потряс бы его за плечо, но перед ним была женщина – избалованная и волнующе красивая, за которую он теперь в ответе. Он не хотел дотрагиваться до нее – не решался.

«Черт бы побрал Амбруаза Картера», – подумал Коннел, вспоминая настойчивую просьбу старика:

– Спаси ее от нее самой. Кто-то должен убедить ее, что дальше так жить нельзя.

Совесть не позволила Коннелу отказаться от безнадежной затеи.

Он прислушался: в квартире было тихо. Тем не менее стоило проверить, не валяется ли еще одно бесчувственное тело в одной из многочисленных комнат: никто не должен услышать то, что Коннел собирался сказать Эмбер. Он прошелся по квартире, обнаружив засохшие остатки пиццы в промасленной коробке и полупустые бутылки дорогого шампанского. Кое-что, правда, заинтересовало его. В одной из спален, с разбросанными по полу книгами и одеждой, валяющейся тут же и свисающей с пыльного велотренажера, за диваном он заметил стопку картин. Инстинкт коллекционера заставил его приглядеться. Живопись была экспрессивной и злой – резкие мазки, яркие цветовые пятна, кое-где контрастно выделенные черным. Коннел не стал задерживаться, напомнив себе о цели визита. Вернувшись в гостиную, он застал Эмбер Картер в той же позе, в какой оставил.

– Просыпайся, – пробурчал он и, не дождавшись ответа, повторил громче: – Просыпайся, я сказал.

Она пошевелилась. Смуглая рука приподнялась, отведя густую прядь блестящих черных волос, почти скрывающих лицо. Он увидел ее профиль: аккуратный вздернутый носик и пухлые розовые губы. Густые ресницы дрогнули, когда она повернула голову, чтобы взглянуть на него. У Коннела перехватило дыхание при виде зеленых глаз необыкновенной красоты: он на секунду забыл, зачем пришел.

– Что случилось? – спросила она хрипловато. – Кто ты, черт возьми?

Эмбер уселась и оглядела комнату, не проявляя признаков паники. Вероятно, не в первый раз в середине дня ее будил вошедший в квартиру незнакомец. Коннел снова недовольно поморщился.

– Меня зовут Коннел Девлин, – представился он, надеясь увидеть в ее лице признаки узнавания.

Однако она смотрела равнодушно, без интереса.

– Вот как? – Окинув его ленивым взглядом, она зевнула. – Как ты вошел в квартиру, Коннел Девлин?

Надо заметить, что Коннел был весьма старомоден, – многие женщины разочарованно отмечали в нем это качество. Его охватило негодование, потому что Эмбер в точности соот-

ветствовала всему, что говорили о ней: она была распущенной, эгоистичной. Злость, по крайней мере, должна вытеснить вожделение. Глядя, как колышется ее грудь, с какой врожденной грацией она встала и прошла по комнате, Коннел чувствовал непроизвольное сексуальное возбуждение.

– Дверь была открыта, – сообщил он неодобрительно.

– Точно. Не закрыл тот, кто уходил последним. – На губах появилась милая улыбка, за которую мужчины, вероятно, прощали ей все. – Вчера у меня была вечеринка.

Коннел был серьезен.

– Не боишься, что тебя ограбят или… еще хуже?

– Не боюсь. – Она пожала плечами. – В подъезде надежная охрана. Хотя тебя они почему-то пропустили. Как тебе удалось пройти?

– У меня ключ. – Он покрутил на пальце брелок, сверкнувший на ярком солнце, не сводя глаз с Эмбер: футболка облегала ягодицы, подчеркивала крутой изгиб бедер.

В ответ на его слова она резко повернулась и сердито наморщила лоб.

– Что значит – у тебя ключ? – спросила она, нащупав рукой пачку сигарет в сумочке из бисера на кофейном столике. Достав сигарету, Эмбер зажала губами фильтр.

– Не советую закуривать при мне, – твердо сказал Коннел.

– Неужели? – прищурила она глаза.

– Правда, не стоит, – предупредил он и добавил с сарказмом: – Даже если не учитывать вреда для окружающих от пассивного курения, я не выношу табачный дым.

– Тогда уходи. Я не задерживаю тебя, – усмехнулась она, щелкая зажигалкой.

На секунду вспыхнуло золотистое пламя. Однако Эмбер успела сделать одну затяжку до того, как шагнувший к ней Коннел вынул сигарету из ее рта.

– Ты что делаешь? – ахнула Эмбер с изумлением. – Ты не смеешь!

– Разве? – нежно проговорил Коннел. – Смотри, детка. – Он вышел на балкон и, смяв окурок между пальцами, бросил в пустой бокал, стоявший возле кадки с цветком. Когда он вернулся в комнату, Эмбер с упрямым видом вытащила из пачки вторую сигарету.

– Не беспокойся, у меня их много, – язвительно заметила она.

– Не трать напрасно время. Я буду гасить все по очереди, пока не кончатся.

– А что, если я вызову полицию, и тебя арестуют за вторжение в чужое жилье и насилие? – бросила она с вызовом. – Тогда как?

Коннел покачал головой:

– Жаль огорчать тебя, но эти обвинения меня не касаются. Более того, в настоящий момент именно ты находишься на чужой территории. Вспомни, что я сказал: у меня ключ от квартиры.

Эмбер заметно умерила пыл. В зеленых глазах мелькнула тревога. Коннел вдруг без всякой причины почувствовал сострадание, однако напомнил себе, с кем имеет дело. Эта избалованная, коварная женщина олицетворяла все, что он презирал.

– Я помню, но хочу знать причину, и она должна быть убедительной, – произнесла Эмбер вызывающим тоном, каким никто давно не разговаривал с ним. – Кто ты такой, чтобы врываться без приглашения и командовать здесь?

– Буду рад ответить на все вопросы, но сначала предлагаю тебе одеться.

– Зачем? – усмехнулась Эмбер, эротично изогнувшись и положив руки на бедра. – Вас смущает моя внешность, мистер Девлин?

– Не в том смысле, на который ты намекаешь. Меня не возбуждают женщины, курящие и выставляющие голое тело напоказ, – спокойно заметил Коннел, погрешив против истины: он все еще испытывал сексуальное возбуждение. – Не хочу терять с тобой весь день, поэтому выполняй, что говорю, и перейдем к делу.

Мгновение Эмбер колебалась: не послать ли его к черту? Она даже собралась выполнить угрозу и вызвать полицию, хотя неожиданно разыгравшаяся сцена доставляла ей удовольствие: уж лучше злиться, чем вообще ничего не чувствовать. По крайней мере, это доказывало, что она существо из плоти и крови, а не прозрачная, невидимая, как вода, субстанция.

Прищурив глаза, Эмбер пыталась вспомнить события прошлого вечера. Может, Коннел Девлин был среди гостей, толпой ввалившихся в ее квартиру на импровизированную вечеринку? Нет, маловероятно. Она бы запомнила его. На таких обращают внимание и не забывают, даже если они не вызывают теплых чувств.

Непроизвольно Эмбер окинула его взглядом. Грубоватые черты лица были бы безупречны, если бы не сломанный нос. Волосы темные, но чуть светлее, чем у нее, а глаза синие, как полночь. Подбородок слегка зарос щетиной, словно он не брился этим утром: похоже, давал себя знать переизбыток тестостерона. А фигура! Эмбер проглотила слюну. Коннел выглядел так, словно легко мог всадить топор в бетонную стену. Впрочем, сшитый на заказ темно-серый костюм явно стоил целое состояние.

Эмбер ощутила неприятный привкус во рту – вчера она заснула, не почистив зубы. Она тронула руками скулы, стянутые остатками косметики. Тело под футболкой было влажным и липким. Разве так она хотела бы выглядеть при встрече с представительным мужчиной?

– Ладно, – небрежно кивнула она. – Пойду оденусь.

Эмбер с удовольствием поймала его удивленный взгляд – он наверняка ожидал упрямого сопротивления. Она вообще любила озадачивать людей. Эмбер чувствовала на себе взгляд Коннела, пока шла в спальню, из которой открывался великолепный вид на главные достопримечательности Лондона. Глядя на колесо обозрения, она старалась привести в порядок мысли. Многие женщины при встрече с незнакомцем впали бы в панику, но для Эмбер это было всего лишь интересным началом дня. Ведь в последнее время ее жизнь текла однообразным бессмысленным потоком. Она предполагала, что Коннел Девлин привык добиваться цели любым путем – он просто-таки излучал ауру превосходства и уверенности. Вероятно, ожидал смутить ее мужским напором и подчинить своей воле. Что ж, скоро он поймет, что она не из пугливых.

Эмбер, не торопясь, готовилась к встрече. Сильные струи душа вернули ее к жизни. Она оделась и наложила макияж. Несколько минут под феном – и она готова. Через полчаса, в облегающих джинсах и белой футболке, она вернулась в гостиную, ожидая увидеть рослую фигуру в центре комнаты, где оставила непрошеного гостя. Однако Коннел сидел на диване и быстро набирал что-то на ноутбуке, словно был здесь хозяином. От его быстрого взгляда Эмбер стало немного не по себе. Закрыв ноутбук, Коннел холодно посмотрел на нее:

– Садись.

– Это мой дом. Не тебе указывать, что мне делать. Не хочу садиться.

– Думаю, лучше тебе сесть.

– Мне наплевать, что ты думаешь.

Глаза Коннела сузились.

– Тебе все безразлично, Эмбер?

Она насторожилась. Коннел уверенно произнес ее имя, словно заранее заготовил речь. Эмбер впервые уловила его ирландский акцент. Ее сердце дрогнуло: события перестали казаться забавным исключением из скучной рутины. Эмбер почувствовала беспокойство. Она уселась на диван напротив Коннела: стоя перед ним, она напоминала себе школьницу, вызванную на беседу к директору. Под его пронзительным взглядом колени у нее дрожали.

– Кто ты такой? – Она посмотрела ему в глаза.

– Уже представился. Коннел Девлин. – Он улыбнулся. – Вспомнила?

Эмбер пожала плечами. В памяти что-то отозвалось, но снова пропало.

– Может быть.

– Я знаю твоего брата Рейфа…

– Сводного брата, – холодно поправила она. – Не видела его много лет. Наша семья очень раздроблена.

– Догадываюсь. Когда-то я работал на твоего отца.

– На отца? – нахмурилась она. – Бедняга. Сочувствую.

По взгляду Коннела она поняла, что разозлила его, и это доставило ей удовольствие. Эмбер напомнила себе, что он не имел права врываться сюда, без приглашения садиться на ее диван и тем более задавать вопросы. Однако настораживала исходившая от него уверенность: она подозревала, что, как опытный факир, он оставил самый коварный трюк для завершения шоу…

– Как бы то ни было, – сказала она, взглянув для убедительности на бриллиантовые часики, сверкавшие на запястье, – у меня нет времени на беседу. Признаюсь, утреннее происшествие показалось мне забавным, но теперь оно наскучило. К тому же у меня назначена встреча с друзьями. Пора перейти к делу, мистер Коннел. Чем обязана визиту? Неужели у папочки очередной приступ угрызений совести, и он хочет узнать, как поживают его дети? Вероятно, поручил навестить меня. Передай ему, что я в полном порядке. – Она вопросительно подняла бровь. – Может, ему наскучила его… дай подумать… которая по счету? Шестая? Или уже пошли двузначные числа? Не успеваю следить за его бурной любовной жизнью.

Слушая язвительные слова, Коннел говорил себе, что, конечно, она имеет право на обиду, разочарование и злость. С ее биографией неудивительно сбиться с пути. Однако прошлые жизненные невзгоды не служат оправданием распущенности и безделья. Он думал о том, через какие испытания пришлось пройти его матери. На ее долю выпали тяготы, которые и не снились Эмбер Картер.

Коннел твердо сжал челюсти: пусть не рассчитывает, что он будет гладить ее по хорошенькой головке и решать за нее все проблемы, как это делали до него другие. Неудивительно, что ничем хорошим это не кончилось. По правде говоря, у него возникло искушение как следует отшлепать ее. Неожиданный всплеск вожделения заставил отогнать коварную мысль.

– Я заключил сделку с твоим отцом.

– Желаю успеха, – небрежно кинула она. – Наверное, он поставил жесткие условия?

– Угадала, – кивнул Коннел, усмехнувшись: она не догадывалась, как близка к истине. Более того, он был согласен с ней. Если бы кто-то другой, кроме Амбруаза Картера, пытался навязать ему это тяжкое бремя, он бы отказался, не задумываясь. Однако высотное здание в престижном районе Лондона было не просто выгодным приобретением – Коннел мечтал об этом всю жизнь и не предполагал, что мечта осуществится как раз накануне его тридцатипятилетия. Кроме того, он был слишком многим обязан Амбруазу. Несмотря на проблемы в личной жизни, тот проявил к Коннелу доброту в критический момент и дал шанс, когда все остальные от него отвернулись.

– Ты в долгу передо мной, Коннел, – напомнил Амбруаз, когда выставил неожиданное условие. – Окажи мне услугу – и мы квиты.

Понимая, что это прямой шантаж, Коннел не смог тем не менее отказать старику. Если бы не Амбруаз, он отсидел бы срок в тюрьме, и судьба сложилась бы иначе. Неужели ему не по силам преподать капризной дочке миллионера несколько уроков выживания и хороших манер?

Глядя в ее изумрудные глаза, Коннел игнорировал тревожные сигналы тела и участившийся пульс.

– Вчера я выкупил у твоего отца большую долю недвижимости.

Эмбер почти не слушала, бросая нервные взгляды на пачку сигарет.

– Ну и в чем дело?

– Дело в том, что теперь этот дом принадлежит мне.

Тут она переключила на него все внимание. В глазах мелькнула растерянность. Эмбер походила на кошку, на которую неожиданно выплеснули ушат холодной воды. Через пару секунд, впрочем, к ней вернулась былая уверенность. Прищурившись, она окинула его надменным взглядом:

– Тебе? Но… дом уже много лет является собственностью отца. Это один из его основных активов. С чего бы, не предупредив меня, он стал продавать его? – Она наморщила лоб. – Да еще тебе.

Коннел усмехнулся, без труда поняв прозрачный намек. Новость не так шокировала бы ее, если бы покупателем оказался богатый аристократ. Эмбер легко обвела бы его вокруг пальца.

– Вероятно, твоему отцу нравится вести со мной дела. Он решил извлечь часть средств из бизнеса, чтобы пожить для себя на старости лет.

Красивая бровь недоуменно изогнулась.

– Не подозревала, что он решил выйти на пенсию.

Стоило напомнить, что планы отца были бы ей известны, если бы она чаще общалась с ним, но Коннел удержался от искушения: он не собирался судить Эмбер. Его задача – предложить ей альтернативу нынешней распутной жизни, пусть даже в нарушение собственных принципов.

– Тем не менее он решил отойти от дел. Теперь домом владею я. – Коннел глубоко вздохнул: – В связи с этим кое-что придется изменить. Главное, что ты больше не сможешь, как раньше, бесплатно жить в квартире.

– Не поняла?

– Ты занимаешь самые престижные апартаменты люкс, за которые не платишь ни пенни, – продолжал он. – Я мог бы сдавать их за астрономическую сумму. С этим пора покончить.

Эмбер взглянула еще надменнее и передернула плечами, словно считала разговор о деньгах невероятно вульгарным. Коннел вдруг почувствовал странное удовлетворение. Он не помнил, когда последний раз женщина осмеливалась перечить ему.

– Вероятно, вы не понимаете, мистер… Девлин, – она выплюнула его имя словно яд, – что я готова заплатить деньги за аренду по рыночной стоимости. Мне надо только связаться с банком.

– Желаю успеха, – кивнул он.

По блеску глаз Коннел понял, что она разозлилась. Алые ногти сжатых в кулак пальцев напоминали когти хищника. Глядя на ее дрожащие губы, он снова почувствовал всплеск адреналина.

– Знакомство с моим отцом и братом не дает права судить о вещах, которые тебя совершенно не касаются, о которых тебе ничего не известно. Например, о моих финансах.

– Представь, я знаю о них больше, чем ты думаешь, и, боюсь, тебе это не понравится.

– Не верю.

– Твое дело, малышка, – тихо заметил он. – Скоро сама убедишься. Впрочем, не стоит отчаиваться. Обещаю, что буду снисходителен, ведь меня связывает с твоим отцом давняя дружба. Я готов помочь тебе.

Эмбер взглянула на него с подозрением:

– Как именно?

– Предлагаю тебе работу. Если примешь предложение, подыщем квартиру, более подходящую для работающей женщины, чем вот это… – Он широко взмахнул рукой. – Согласись, такие апартаменты может позволить себе только миллионер.

Эмбер смотрела на него с изумлением, не веря своим ушам. Вероятно, ожидала, что он пошутил и все снова будет так, как она захочет. Коннел подозревал, что мужчины всегда вели себя так по отношению к ней. При такой внешности она без труда заставляла их выполнять любое желание одним движением ухоженных пальчиков.

– А если не соглашусь?

Он пожал плечами:

– Тогда сложнее… Мне придется дать месяц отсрочки, а потом я сменю замки. Тебе самой придется позаботиться о себе.

Глаза Эмбер бешено сверкнули. Она вскочила, готовая броситься и вонзить в него острые ногти. Удивительно, но какая-то первобытная часть его натуры желала этого. Он представил, как алые ноготки царапают его грудь, опускаются ниже к паху, нежно прихватывают пенис, потом в дело идет язык…

Однако она не двинулась с места. Эмбер замерла: глубоко дыша, она старалась справиться с эмоциями. Придя в себя после эротических фантазий, Коннел вынужден был сделать то же самое.

– Я не очень знакома с законами, мистер Девлин, – холодно процедила она, – но даже мне известно, что никто не имеет права выкинуть арендатора квартиры на улицу.

– Но ты не арендатор, Эмбер, и никогда не была им, – напомнил Коннел, стараясь не выдать злорадства: в ближайшие недели эта избалованная эгоистка почувствует на себе все тяготы самостоятельной жизни. Он старался осторожно подбирать слова: – Твой отец сделал тебе одолжение, разрешив занимать эту квартиру. Ты не подписывала никаких бумаг…

– Конечно нет. Ведь он мой отец!

– Значит, с его стороны это был акт доброй воли. Теперь дом принадлежит мне. У твоего отца нет больше прав на жилье, а значит, нет их и у тебя.

Эмбер в отчаянии тряхнула головой. Черные кудри рассыпались по плечам.

– Он не мог так поступить со мной. Почему он ничего не сказал?

– Насколько я знаю, он известил тебя письмом, так же сделал и банк.

Эмбер бросила растерянный взгляд на пачку запечатанных писем на столе. У нее была ужасная привычка откладывать бумаги в сторону и полностью игнорировать их. Так она поступала с незапамятных времен. В письмах всегда содержались плохие новости, а счета оплачивались банком напрямую. Если с ней очень хотели связаться, то писали на электронную почту. Разве она не для этого существует?

Впрочем, она не собиралась принимать на веру слова небритого незнакомца с насмешливым голосом, вызывающим смутную тревогу. Прежде всего она поговорит с отцом. Скорее всего, произошла ошибка. Или отцу отказали когда-то блестящие мозги. С чего бы вдруг он продал свой самый престижный объект недвижимости этому… жулику?

– Мне хотелось бы остаться одной, мистер Девлин.

Он саркастически поднял темную бровь:

– Значит, тебя не интересует мое предложение? Первая настоящая работа в твоей пустой жизни? Шанс показать миру, что ты непросто бездельница, порхающая с одной светской вечеринки на другую?

– Скорее соглашусь работать на дьявола, чем на тебя, – заявила она, глядя, как Коннел встает с дивана, подходит и мрачно склоняет над ней потемневшее лицо.

– Позвони мне и запишись на прием, когда к тебе вернется здравый смысл, – сказал он, кладя на кофейный столик визитную карточку.

– Не надейся. – Эмбер демонстративно вытащила сигарету из пачки и взглянула на него с вызовом: посмеет ли он помешать ей? – А теперь иди к черту!

– Поверь, малышка, черти не самая плохая альтернатива твоему обществу.

Злость уступила место панике, когда Эмбер поняла, что он говорил совершенно серьезно.

Глава 2

Выйдя из банка, Эмбер дрожащими пальцами смахнула испарину со лба. Она застыла перед внушительным зданием, не в силах двинуться с места. Оживленная толпа лондонского Сити обтекала ее с двух сторон: натыкаясь на нее, прохожие не скрывали раздражения.

Без сомнения, произошла ужасная ошибка. Отец не мог поступить с ней так безжалостно. Невозмутимый менеджер, следуя четким инструкциям, заявил, что ее счета заморожены и новых поступлений не будет. В ответ на истеричные возражения клерк ответил холодным, зловещим молчанием. Только сейчас, как удар молотка по голове, на Эмбер обрушился весь ужас происходящего.

Она разорена.

Сердце бешено стучало. Она отказывалась в это верить. Вероятно, банковский служащий в душе смеялся над ней, передавая запечатанный конверт. Эмбер быстро вскрыла его и со страхом узнала почерк отца. Строчки прыгали перед глазами, пока взгляд не упал на ключевую фразу: «Коннелу Девлину даны распоряжения оказать тебе необходимую помощь».

Коннел Девлин? Эмбер буквально затрясло от ярости. Тот самый Коннел Девлин, который вчера вторгся к ней и велел убираться из квартиры? Она скорее умрет с голоду, чем обратится к нему. Надо поговорить с отцом. Он, как обычно, не откажет ей.

Вдруг на Эмбер накатила волна панического страха. У нее остановилось дыхание. Похожее состояние она испытывала раньше, когда мать неожиданно объявляла, что они покидают город, и опять с трудом завоеванные Эмбер друзья становились далекими воспоминаниями.

Главное, взять себя в руки, не поддаваться панике. Пальцы все еще дрожали, когда, стоя под козырьком магазина, Эмбер доставала из сумки мобильный телефон. Она набрала номер отца, но звонок был переведен на его личную секретаршу Мэри-Элен. Эта женщина недолюбливала Эмбер и не скрывала неприязни, когда слышала ее голос.

– Эмбер? Какой сюрприз.

– Привет, Мэри-Элен. – Эмбер глубоко вздохнула. – Мне нужно срочно поговорить с отцом. Он у себя?

– Боюсь, что нет.

– Когда он вернется, где я могу застать его?

Наступила пауза. Или Эмбер от страха показалось, или пауза намеренно затягивалась.

– К сожалению, это непросто. Он уехал в ашрам в Индию.

Эмбер недоверчиво хмыкнула, заставив случайного прохожего обернуться.

– Мой отец? В ашрам? Заниматься йогой и есть вегетарианскую пищу? Это шутка, Мэри-Элен?

– Вовсе не шутка, – сухо заметила секретарша. – Он пытался связаться с тобой в течение нескольких недель и оставил письмо в банке. Ты получила его?

Эмбер подумала о скомканном листке бумаги, валявшемся на дне сумки среди косметики и кубиков жвачки.

– Да, получила.

– Тогда последуй советам и поговори с Коннелом Девлином – его телефон там указан. Коннел окажет тебе помощь, пока отец в отъезде. Он…

Взвыв от ярости, Эмбер оборвала связь, швырнула телефон обратно в сумку и зашагала по улице, не выбирая дороги. Она не желала помощи от Коннела Девлина! Почему она везде слышит его имя? И что случилось с ней, если при малейших препятствиях на пути она паникует, как беспомощная жертва? Она попадала и в худшие переделки, но выжила. Вспомнить только ее ужасное детство. Да и потом проблем было достаточно. Эмбер вытерла

со лба пот. От воспоминаний легче не станет – пора сосредоточиться. Лучше всего вернуться в квартиру и выработать план действий на время, пока она не свяжется с отцом. Ей необходимо добраться до него, даже если придется пешком дойти до чертова ашрама. Она заставит его передумать, сыграв на чувстве вины, не покидавшего его с тех пор, как он выкинул на улицу ее с матерью. Вряд ли он захотел сделать это снова. Скорее всего, ее счета он не заморозил по-настоящему…

Эмбер села в метро и доехала до дома. По пути решила зайти в ближайший магазин: урчание в животе напомнило, что она с утра ничего не ела. Набрав целую тележку продуктов и бросив сверху пачку сигарет, она прошла к кассе, но, к ее ужасу, на кредитной карте не оказалось средств. Стоящий за ней в очереди мужчина раздраженно вздохнул, а женщина рядом толкнула локтем соседку – обе явно ожидали скандала.

– Произошла ошибка, – пробормотала Эмбер, покраснев. – Я постоянно делаю здесь покупки, вы помните меня? Позвольте занести деньги позже.

Однако смущенная кассирша покачала головой.

– К сожалению, мы не отпускаем в кредит, – сказала она, нажимая на кнопку вызова под прилавком.

Эмбер знала, что ошибки быть не могло: отец выполнил обещание. Ее счета заморожены, как предупреждал менеджер в банке. Она подумала о пустом холодильнике: кроме нескольких бутылок шампанского, там не было почти ничего – баночка греческого йогурта, пакет апельсинов и коробка бисквитного печенья с давно просроченной датой. С пылающими щеками Эмбер порылась в карманах и нашла смятую банкноту.

– Я возьму только сигареты, – пробормотала она, не глядя в лицо кассирши, и вышла из магазина.

Зная, что все неодобрительно глазеют на человека, закурившего на улице, Эмбер пришлось терпеть, пока она не захлопнула за собой дверь квартиры. Куда делась свобода личности, спросила она себя, дрожащей рукой щелкая зажигалкой. Ее снова охватил гнев, когда она вспомнила, как Коннел Девлин отобрал у нее сигарету.

Поддавшись импульсу, она отправила сообщение сводному брату Рейфу, пытаясь сообразить, какое сейчас в Австралии время суток.

«Что ты знаешь о человеке по имени Коннел Девлин?»

Учитывая, что они не общались больше года, она удивилась и обрадовалась, что ответ пришел сразу.

«Лучший школьный друг, а что?»

Вот почему имя показалось ей знакомым, когда Коннел упомянул брата. Рейф был старше Эмбер на одиннадцать лет и уже покинул дом, когда отец забрал ее – растерянного подростка четырнадцати лет – с улицы. Тем не менее она слышала об ирландском протеже, которому отец платил стипендию, помогая вырваться из нищеты. Неужели речь шла о Коннеле Девлине?

Ей хотелось узнать больше, но Рейф, вероятно, валялся сейчас на золотом пляже, попивая шампанское в окружении красивых женщин. Стоило ли сообщать ему, что скоро она лишится квартиры, а упрямый ирландец грозит поменять замки? Поверит ли ей, если речь идет о лучшем друге? Пришло еще одно сообщение:

«Почему ты пишешь мне в полночь?»

Эмбер прикусила губу. Какой толк обращаться за помощью к человеку на другом конце света? Попросить перевести денег на ее счет? Чутье подсказывало, что Рейф откажет, несмотря на огромное состояние, которое он заработал в Австралии. Сводный брат постоянно требовал, чтобы она нашла приличную работу. Она не желала слышать об этом, поэтому предпочитала не общаться с ним.

После минутного колебания она написала:

«Просто хотела передать привет».

«Привет. Приятно, что вспомнила. Надо пообщаться».

У Эмбер неожиданно на глаза навернулись слезы, когда она напечатала ответ:

«Отлично».

За весь день это было единственное приятное событие, но радости хватило ненадолго. Она села на пол и докурила сигарету. Ее охватила дрожь. Как отец посмел уехать в Индию и бросить ее в беде?

Эмбер попыталась придумать план действий, но вариантов почти не было. Можно обратиться к знакомым с просьбой пустить ночевать на диван в гостиную. Сколько это может продолжаться? У нее даже нет денег, чтобы участвовать в хозяйственных расходах. На нее начнут косо смотреть, если она не будет оплачивать еду и прочее. В ночном баре, где они собирались, она не сможет заплатить за выпивку, когда придет ее очередь, и про нее пойдут сплетни – в ее кругу бедность делала человека изгоем.

Эмбер посмотрела на сверкающие на запястье бриллиантовые часы – подарок на восемнадцатилетие, призванный компенсировать годы скитаний. Не помогло. Среди прочего, она давно усвоила, что драгоценности с их холодной красотой не способны излечить больную душу. Можно попробовать заложить подарок, если ломбарды еще существуют, но там ей дадут мизерную сумму. Люди, желающие получить деньги в обмен на драгоценности, как правило, очень уязвимы, а значит, их легко одурачить.

Жар сменился ознобом – у Эмбер зуб на зуб не попадал. Она вспомнила строки из письма отца и совет его секретарши Мэри-Элен обратиться к Коннелу Девлину. Хотя все ее существо противилось мысли идти за помощью к надменному ирландцу, она понимала, что другого выхода не было.

Глядя на мятую одежду, Эмбер сжала губы в инстинктивном страхе. Она не любила мужчин, не доверяла им – для этого были причины. Однако ей хорошо известны их слабые стороны. Мать немногому научила ее, но внушила простую мысль: беспомощное выражение в глазах женщины действует на них безотказно.

Вдохновленная новой целью, Эмбер отправилась в ванную и долго стояла под душем. Она одевалась с непривычной тщательностью, вспомнив брезгливое выражение темно-синих глаз Коннела Девлина, когда он говорил, что его не возбуждают курящие и обнажающие тело женщины. Она достала скромное платье, которое надевала несколько раз на провальные интервью с работодателями, наложила минимум косметики, стянула волосы в незатейливый пучок. Поглядев в зеркало, с трудом узнала себя – она могла бы претендовать на роль двойника Джули Эндрюс из фильма «Звуки музыки».

Офис Коннела Девлина располагался в престижном Кенсингтоне, в удивительно живописной, обсаженной вишневыми деревьями, тихой аллее. Благородный фасад старинного особняка резко контрастировал с атмосферой успешного бизнеса, которую Эмбер ощутила, войдя в здание.

Высокий потолок вестибюля украшали элегантные люстры. Вверх устремлялась широкая лестница. На стене за прозрачной стойкой висели картины в стиле модерн. Эмбер сразу узнала огромный стилизованный портрет Мэрилин Монро. Ее охватила неуверенность. Интерьер был строгим и стильным. В непривычно простой одежде, с гладкой прической Эмбер чувствовала себя как рыба, вытащенная из воды. Надменная секретарша в однотонном миниплатье только усилила смущение. Привстав над стойкой, она приветливо улыбнулась:

– Чем могу помочь?

– Мне нужно видеть Коннела Девлина, – произнесла Эмбер, неожиданно запнувшись.

Секретарша посмотрела удивленно.

– Боюсь, Коннел занят до конца дня, – сообщила она уже без улыбки. – Вам не назначена встреча?

Буря эмоций охватила Эмбер, но самым неприятным было чувство унижения, словно она не имела права находиться здесь. Ее лишили места в жизни. На что она рассчитывала, стоя перед этим жизнерадостным созданием из мира успеха и процветания? Отступать поздно. Эмбер положила сумку на дизайнерский стул, скорее похожий на произведение искусства, а не на предмет мебели.

– Формально нет, не назначена. Но мне надо срочно увидеть его, поэтому я сяду и буду ждать, если не возражаете.

Улыбка осталась в далеком прошлом. Лоб блондинки пересекла морщинка.

– Вам лучше зайти в другой раз, – осторожно предложила она.

Вспомнив, как Коннел без стука вошел в ее жилище, с наглым видом повертел на пальце ключ и велел освободить квартиру через четыре недели, Эмбер разозлилась. Неужели, черт возьми, у сурового ирландца не найдется капли доброты для сестры лучшего друга? Она демонстративно опустилась на стул.

– Я не уйду. У меня к нему срочное дело, и я готова ждать. Не беспокойтесь, у меня весь день свободен. – Она взяла со столика один из глянцевых журналов и сделала вид, что читает.

Тем временем блондинка застучала по клавишам компьютера, вероятно извещая босса о визитерше. Не могла же она в присутствии Эмбер вслух пожаловаться, что странная женщина оккупировала приемную и не собирается уходить.

Наверху хлопнула дверь. Кто-то спускался по лестнице. Шаги приближались, но Эмбер не отрывала глаз от журнала, пока не убедилась, что человек направляется прямо к ней. Не в силах унять любопытство, она подняла глаза.

Эмбер испытала что-то похожее на шок: дыхание сбилось, во рту пересохло. Вчерашний визит Коннела должен был подготовить ее – она дала себе слово не реагировать на него, но действительность превзошла ожидания. На своей территории Коннел выглядел еще более властным и надменным. Деловой костюм он сменил на неформальную одежду – черный кашемировый свитер и черные джинсы, подчеркивающие узкие бедра и длинные мускулистые ноги. Его словно окутывала темная аура силы. Смуглая кожа казалась более золотистой, чем она помнила. Он прикрыл глаза, и суровое лицо стало непроницаемым.

– Разве я не сказал, чтобы ты заранее договорилась о встрече? Впрочем, не помню – это было до или после того, как ты послала меня к черту, – сказал он с кривой усмешкой. – Как ты могла заметить, мой офис мало напоминает преисподнюю, поэтому не могу понять, что ты здесь делаешь, Эмбер?

Сапфировый блеск его глаз мешал Эмбер сосредоточиться. Коннел казался гордым и неприступным – подавлял своей волей. У него на руках все козыри, а у нее ни одного. Ей хотелось решительно заявить о своих правах, но Эмбер предпочла воззвать к его лучшим качествам, а для этого нужен более мягкий подход.

– Я была в банке.

– Строгий менеджер сообщил тебе, что отец перекрыл, наконец, денежный поток, за счет которого ты жила до сих пор. Ты это хотела сказать, Эмбер? – Улыбка Коннела не казалась дружелюбной.

– Именно так, – прошептала она.

– И что?

Реакция была жесткой. Эмбер пожалела, что не выбрала более соблазнительный наряд: скромное платье прикрывало колени.

«Ну, если уж решила изображать несчастную сироту, надо вести себя соответственно», – решила Эмбер.

– Что же мне теперь делать? – всхлипнула она, имитируя отчаяние.

– Почему бы тебе не пойти работать, как обычному человеку? – скривил губы Коннел.

– Но я… – мрачно призналась Эмбер, – пыталась несколько раз найти работу, но безуспешно. Конкуренция велика, а у меня нет тех качеств, которые требуют работодатели.

– Правильно, – вдруг согласился Коннел, – вызывающее поведение обычно не нравится начальникам.

Эмбер вздохнула.

– Дела совсем плохи, Коннел. Не могу дозвониться до отца, кредитная карта заморожена, и я не могу даже купить… еду, – закончила она драматически.

– Зато продолжаешь курить. – Он тряхнул головой и прищурился. – Не отрицай. От тебя пахнет табаком до тошноты. Отвратительная привычка, которую ты должна бросить.

Эмбер с трудом подавила приступ злости и согласно кивнула – пусть верит во что хочет.

– Конечно, брошу, если ты мне поможешь, – слабо пробормотала она.

– Правда?

Прикусив нижнюю губу и широко распахнув глаза, Эмбер одарила его честным взглядом:

– Конечно.

– Не знаю, можно ли тебе верить, но хочу сразу предупредить: если думаешь меня обмануть, лучше сразу уходи. Однако, если ты действительно решила исправиться, можешь на меня рассчитывать. Хочешь, чтобы я помог тебе, Эмбер?

Собрав всю силу воли, Эмбер нашла силы покорно кивнуть.

– Ладно, тогда поднимемся в кабинет, и я решу, что с тобой делать, – сказал он и, оглянувшись на секретаршу, подмигнул ей – Эмбер была почти уверена в этом. – Серена, не соединяй меня ни с кем.

Глава 3

Кабинет Коннела Девлина выглядел совсем иначе, чем Эмбер представляла. Он не был вызывающе броским или вульгарным, как можно было бы судить по приемной. Вместо этого она оказалась в красиво обставленной комнате с большими окнами, смотрящими на улицу и в прекрасный ухоженный сад. Покрашенные в устрично-серый цвет стены создавали нейтральный фон для многочисленных картин. Эмбер с удивлением огляделась вокруг – она словно попала в картинную галерею. Коннел явно отдавал предпочтение современной живописи, и Эмбер с неохотой признала, что он обладал отменным вкусом. Письменный стол с закругленными углами напоминал произведение искусства. В углу кабинета Эмбер заметила скульптуру обнаженной женщины и быстро отвела взгляд, настолько эротичной была ее поза, с рукой, прикрывающей грудь.

Коннел внимательно наблюдал за Эмбер и прищурил глаза, как только она повернулась к нему. Он кивнул на стул, предлагая сесть, но Эмбер была слишком возбуждена, чтобы спокойно выдержать его насмешливый взгляд.

«Пора вернуть привилегии, – решила она, – проявить слабость, вызвать сочувствие». Он достаточно богат, чтобы оставить ей квартиру до тех пор, пока отец не вернется из ашрама. Эмбер подошла к окну и выглянула на улицу: две школьницы проходили мимо, жуя жвачку и весело болтая. Она испытала мгновенное чувство зависти к их беззаботной, легкой жизни.

– Я не собираюсь тратить на тебя весь день, – предупредил Коннел. – Давай перейдем к делу. Не пытайся добиться снисхождения, хлопая длинными ресницами или изображая девочку из монашеского приюта, – на меня это не действует. Вот что я скажу: ты не получишь денег, если я не получу кое-что взамен. Не рассчитывай, что будешь жить в квартире, которая слишком велика для тебя.

Если единственная цель твоего неожиданного визита – пробудить во мне жалость и получить денег, ты напрасно тратишь время.

На минуту Эмбер лишилась дара речи: она не помнила, чтобы кто-то разговаривал с ней в таком тоне. Первые четыре года жизни она жила как принцесса во дворце, а после того как родители расстались, в одно мгновение очутилась в эпицентре кошмара, продолжавшегося десять лет. После гибели матери в автокатастрофе она снова вернулась к отцу, разрушив при этом его брак с очередной женой. Все ходили на цыпочках вокруг нее. Никто не знал, что делать с несчастным, озлобленным подростком, и меньше всего она сама. Пси хологическая травма лишила ее уверенности и снизила самооценку. Эмбер стала агрессивной и непредсказуемой, однако быстро поняла, что может легко манипулировать людьми. Стоило только жалобно скривить губы, все бросались ей на помощь. Эффективным был и другой способ привлечь внимание: настойчиво ковырять носком ботинка ворс ковра и рассматривать его рисунок, словно ища разгадку тайн вселенной. Ее желания немедленно исполнялись.

Однако у нее были серьезные подозрения, что Коннел Девлин видит ее насквозь и легко угадывает притворство. Его синие глаза были слишком умными и проницательными. Под пристальным взглядом ей вдруг почудилось, что он читает ее мысли, и они ему не нравятся.

– Как же мне выжить? – Эмбер подняла руку, и бриллиантовые часы блеснули на запястье, как солнечный луч на воде. – Неужели придется закладывать те немногие драгоценности, которые имею?

Усмехнувшись, Коннел театральным жестом схватил из воздуха невидимую скрипку и заиграл, но тут же опустил большие руки и спокойно взглянул на нее.

– Избавь меня от жалостливых историй, Эмбер, – попросил он, – лучше попробуй объяснить вот это.

Он открыл большой коричневый конверт и высыпал содержимое на стол. Эмбер с удивлением уставилась на пачку фотографий и журнальных вырезок.

– Где ты их взял?

Словно опасаясь заразы, Коннел брезгливо поморщился:

– Твой отец передал мне.

Эмбер знала, что ее имя часто упоминается в колонках светских сплетен и в украшавших полки супермаркетов глянцевых журналах о знаменитостях. Некоторые заметки она читала, некоторые нет, однако до сих пор не догадывалась об их числе. Перед ней развернулась история ее жизни в картинках: фотографии лежали перед ней, как раскиданная колода карт. На снимках она входила и выходила из клубов и ресторанов, с выставок и модных показов. Ее платья выглядели слишком короткими, а выражение лица капризным. Вспышки фотокамер одновременно пугали и радовали ее. Она наивно утешала себя мыслью, что кому-то интересна ее жизнь, иначе она считала бы себя невидимкой. Но, с другой стороны, она казалась себе бабочкой, по ошибке залетевшей в обитель коллекционера, иголкой приколовшего ее нежные крылышки к бумажной этикетке…

Взглянув на Коннела, Эмбер безошибочно прочла осуждение в глубине темно-синих глаз. «Не смей показывать ему слабость, – приказала она себе, – не давай в руки такого оружия».

– Хороши, не правда ли? – небрежно заметила она, усаживаясь наконец на стул.

В этот момент Коннел готов был стукнуть кулаком по столу от отчаяния: ей незнакомо чувство стыда. Все оказалось хуже, чем он предполагал. Вероятно, она считала его глупцом или рассчитывала, что, надев платье скромной монашенки, вызовет жалость.

Самое обидное, что на подсознательном уровне ее трюк подействовал. Как он ни пытался убедить себя в обратном, Коннел не мог отвести от нее взгляд – Эмбер завораживала его. Зачесанные назад волосы открывали тонкий овал лица и опушенные длинными ресницами изумрудные глаза. Знала ли она, что ее удивительная внешность вызывала у мужчин желание драться за нее? Коннел скривил рот: конечно, знала. С юности она пользовалась красотой, чтобы манипулировать людьми.

Он вспомнил свою реакцию, когда Амбруаз попросил его о помощи и впервые показал фотографии. Взглянув на них, Коннел на мгновение лишился дара речи, испытав острый, как удар в живот, приступ вожделения. Один снимок особенно поразил его: в воздушном белом платье Эмбер выглядела одновременно невинной и возбуждающе эротичной. Чувство вины охватило Коннела, и он покачал головой:

– Попросите кого-нибудь другого.

– Не знаю никого, кто бы справился с ней, – честно признался Амбруаз. – Тем более человека, которому бы я верил, как тебе.

Именно в этом заключалась проблема. Амбруаз без колебаний доверил Коннелу дочь, не сомневаясь в его порядочности. Согласившись, Коннел считал делом чести оказать услугу человеку, спасшему его от тюрьмы.

Проще всего было бы выписать ей чек и отпустить на все четыре стороны, но Амбруаз настаивал на исправительных мерах, а упрямство старика хорошо известно.

– Пускай научится сама зарабатывать на жизнь и перестанет быть иждивенкой. Ты поможешь ей в этом, Коннел.

Что прикажете делать, если, глядя на Эмбер, он думает о том, как распустить ее пышные волосы и, задыхаясь, целовать упрямые губы? Или сжать ладонями округлые бедра и войти в ее лоно, дрожа от страсти? Коннел смотрел в мерцающие глаза, вполне отдавая себе отчет, что ее непокорность особенно возбуждает его, – женщины редко оказывали ему сопротивление. Что делать: принять вызов или отказаться? Вопрос носил чисто теоретический характер, потому что Коннел никогда не сдавался. Возможно, ему предстоит проявить чудеса

самодисциплины. Неужели он так низко пал, что мечтает об интимных отношениях с женщиной, погрязшей в пороке.

Он вспомнил заданный ей вопрос и скользнул взглядом по стопке фотографий, задержавшись на той, где Эмбер, сидя на плечах мужчины, взмахнула бутылкой шампанского. Зеленое шелковое платье тесно облегало стройные бедра.

– Фотографии хороши, если хочешь выглядеть распутной, – медленно выговорил он, – но это вряд ли понравится работодателю.

– Зато твоя анкета белее белого, не так ли? – холодно спросила она.

Коннел взглянул на нее вопросительно. Неужели Амбруаз рассказал ей о черном пятне в его биографии? В таком случае она имела в виду конкретный факт. Его терзали собственные демоны. Однако Эмбер не стала уточнять: ее вызывающий взгляд заставлял кровь бурлить в жилах.

– Речь идет о тебе.

– Тогда продолжай, я вся внимание, – заметила она с сарказмом.

– Слышу от тебя первые разумные слова за сегодняшний день. – Коннел откинулся на спинку стула. – Вот мое предложение, Эмбер. Тебе надо зарабатывать, чтобы оплачивать аренду. Поскольку шансов на трудоустройство у тебя нет, я сам готов нанять тебя. Все просто.

Эмбер замерла, потому что на словах все действительно выглядело просто. Впервые для нее забрезжила надежда. Она осторожно оглядела красивую комнату с большими окнами на тихую лондонскую улицу с цветущими деревьями. На столе перед Коннелом стояла вазочка с благоухающими белыми колокольчиками. Эмбер подумала, что цветы принесла секретарша в мини-юбке. А кто прислал ему почтовую открытку с Тадж-Махалом или подарил стеклянную тарелочку в виде губ, на которой сейчас лежали скрепки?

Неожиданно ее охватило чувство, которое она испытывала в школьные годы, когда приходила в гости к подругам, чье родители не были в разводе. Казалось, она со стороны наблюдает мир, находящийся в полной гармонии, где все идет, как должно. Эмбер перевела дыхание. Коннел Девлин предлагал ей – временно – прибежище в таком мире. Разве это не прекрасно?

– Можно узнать, чем именно ты занимаешься? – задала она вполне логичный вопрос.

– Основной доход приносят операции с недвижимостью. Продаю дома и квартиры в Лондоне. У меня еще два филиала – в Париже и Нью-Йорке. Но по-настоящему меня интересует искусство, как ты могла догадаться.

– Конечно, – вежливо кивнула Эмбер, стараясь скрыть удивление, но Коннел безошибочно уловил интонацию, и его синие глаза вспыхнули.

– Не ожидала?

– Нет, пожалуй, – повела плечом Эмбер.

– Вероятно, не соответствую стереотипу? – насмешливо поднял брови Коннел. – Не ношу костюм в полоску и у меня нет титула?

– Достаточно, мистер Девлин. Хватит демонстрировать комплексы.

Он засмеялся, а Эмбер рассердилась на себя за всплеск удовольствия оттого, что сумела вызвать смех у заносчивого ирландца.

– Меня больше интересует искусство двадцатого века, которое я покупаю для собственного удовольствия. Однако время от времени приобретаю произведения для своих клиентов, знакомых или выступаю как посредник.

– Зачем нужен посредник, да еще в твоем лице?

Коннел бросил взгляд на открытку с Тадж-Махалом.

– Покупка произведений искусства требует опыта, которого у меня достаточно. Некоторые из моих клиентов очень богаты и располагают огромными средствами. Иногда они

предпочитают действовать анонимно, чтобы недобросовестные дилеры не заломили астрономическую цену. – Он улыбнулся. – Бывает, кто-то хочет продать вещь анонимно и обращается ко мне за помощью, чтобы получить максимальную цену.

Прищурив глаза, Эмбер изо всех сил сопротивлялась обаянию его улыбки, но слова странным образом завораживали ее. Если верить Коннелу, богачи просто-таки стремились иметь с ним дело. Может, он старался произвести на нее впечатление?

Сложив руки на коленях, она думала, насколько трудно работать с ним. Однако продажа недвижимости казалась делом достаточно простым: приводишь потенциального покупателя в квартиру, рассказываешь, что известная актриса только что въехала в соседний дом, и цены на жилье теперь сразу подскочат. Через пару минут подпись клиента уже стоит на контракте.

– Я могу это делать, – заявила она с уверенностью.

– Что именно? – прищурился Коннел.

– Продавать дома, квартиры, что угодно.

Он резко выпрямился:

– Прямо вот так?

– Конечно. Что тут сложного?

– Полагаешь, я дам тебе волю в бизнесе, который строил пятнадцать лет? – уточнил Коннел, запуская пальцы в густую шевелюру жестом крайнего раздражения. – По-твоему, разумно доверить продажу элитной недвижимости человеку, не работавшему в своей жизни ни дня, но зато имеющему большой опыт разгульной ночной жизни?

Услышав резкую отповедь, Эмбер чуть не задохнулась от злости. Ей хотелось сделать несколько вещей: для начала схватить со стола графин с водой и опрокинуть Коннелу на голову, а затем выскочить из офиса, хлопнув дверью, и никогда больше не видеть его красивого лица. Однако это вряд ли заставит его поверить в имидж достойной женщины, умеющей держать себя в руках. Она покажет Коннелу, что ее не трогают оскорбления человека, который ничего не значит для нее, пусть даже, кроме него, ей некому помочь.

– Всему можно научиться, – сказала она. – Но если ты считаешь, что мне лучше заняться перепродажей картин, не буду возражать. Я… люблю искусство.

Коннел издал тихий, похожий на рычание звук. Судя по тому, как он забарабанил пальцами по столу, выбивая морзянку, ей показалось, что его терпению приходит конец. В темно-синих глазах мелькнуло странное выражение, заставившее Эмбер занервничать. Угроза или презрение?

– Боюсь, рынок произведений искусства требует больших знаний, чем то, что ты называешь «перепродажа картин», – сухо заметил он. – У меня на твой счет совершенно другие планы. – Коннел взглянул на лежащий перед ним листок бумаги. – Насколько мне известно, ты говоришь на нескольких языках?

– Это вызывает удивление, мистер Девлин?

– Пожалуй, – пожал широкими плечами Коннел. – Ты не производишь впечатления лингвиста: изучение языков требует времени и усилий.

– Существует много способов выучить язык, – поджала губы Эмбер. – Мне не пришлось штудировать учебники. Просто у моей матери была слабость к мужчинам Средиземноморского региона. Ребенком мне часто приходилось жить на родине ее очередного увлечения. – Она горько усмехнулась. – Поверь, их было немало. Чтобы выжить, приходилось каждый раз осваивать новый язык.

– Тяжело было, наверное, – задумчиво протянул Коннел.

Скорее по привычке Эмбер покачала головой. Сострадание вызывало неловкость. В памяти всплывали то Марко, то Ставрос или Пьер – мужчины, разбивавшие сердце матери и бросавшие ее. Тогда Эмбер мечтала о невозможном: ей хотелось нормальной, спокойной

жизни, но мать видела только одно решение всех проблем – новую любовь. Воспоминания делали Эмбер уязвимой, причиняли боль, а она довольно нахлебалась боли.

– Нормально. – Многолетний опыт позволил Эмбер без труда имитировать равнодушие. – Могу сказать «моя дорогая» на итальянском, греческом, французском, а еще знаю массу вариаций фразы «Ты мерзкий, законченный подонок».

Вероятно, развязный тон шокировал Коннела, потому что в его голосе послышалось легкое осуждение.

– Уверяю, тебе не придется повторять эти слова. – Он снова взглянул на листок перед собой. – Прежде чем сообщить условия работы, которую я готов предложить, мне нужны гарантии.

– Какие гарантии?

– Дело в том, что в моей организации не принято употреблять бранные слова. Здесь нет места избалованным принцессам, которые болтают что в голову придет. Мои клиенты требуют особого подхода, и мне нужна уверенность, что ты проявишь такт и уважение. – Его глаза потемнели. – Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что с тобой… трудно.

Его слова звучали обидно. Собственная реакция удивила Эмбер. Возможно, причиной стал его взгляд. Коннел словно не верил, что такие, как она, имеют право на существование. В то же время сам он, в черном, подчеркивающем мощную фигуру свитере, выглядел невероятно привлекательно, вызывая у Эмбер непривычную реакцию тела: под взглядом сапфировых глаз она испытывала странное беспокойство. Но ведь он ей даже не нравился!

В стильном особняке Коннел вел себя как полновластный хозяин, вокруг которого суетились подчиненные – стройные девушки в мини-юбках, смотревшие на Эмбер с подозрением, как на мышь, принесенную кошкой с улицы. Сама виновата – позволила Коннелу загнать себя в угол. Она приползла сюда с просьбой о помощи, и он решил, что может оскорблять ее. Нечего и думать о том, чтобы работать на Коннела Девлина!

Эмбер чувствовала, как в ней закипает знакомое чувство протеста. Ведь она не обязана терпеть чьи-то диктаторские замашки. Почему бы не показать Коннелу – да и другим – свой характер. У нее хватит сил выжить без посторонней помощи. Пусть стену ее квартиры не украшают дипломы, но мозгов ей не занимать. Ей поможет опыт, приобретенный во время бесконечных переездов с матерью из города в город.

Поднявшись, Эмбер взяла сумку, чувствуя горящий взгляд Коннела. Он словно пронизывал ее, проникая под скромное синее платье, в равной степени пугая и возбуждая.

– У меня нет опыта, – заявила она, – но я не безнадежна. Не сомневаюсь, что смогу найти работу, но я не собираюсь терпеть твое раздутое самомнение.

– Значит, отказываешься? – усмехнулся Коннел.

– Даже не надейся. Я вполне способна сохранить независимость, что и собираюсь сделать.

– Ох, Эмбер, – тихо сказал он. – Ты великолепна. Такая сила духа у женщины – большая редкость. Если бы не отвратительный запах табака и не уверенность, что весь мир у тебя в долгу, ты была бы опасно привлекательна.

На секунду Эмбер растерялась. Что это: оскорбление или комплимент? Может, и то и другое? Кинув на него последний взгляд, сопровождаемая его смехом, она вышла, хлопнув дверью. У нее было чувство свободного падения, как у человека, выпрыгнувшего из самолета без парашюта. Эмбер затаила дыхание в ожидании момента столкновения с летящей навстречу землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.